

Представительная демократия как пространство политической борьбы

Заикин Андрей Анатольевич

Советник Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга
Sptk2011@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается процесс становления представительной демократии как особой структуры, в рамках которой формируются условия для определенных форм политической борьбы. Политическая борьба является неотъемлемым атрибутом парламентаризма. Она не является целью сама по себе, но вытекает из особенностей структуры и механизмов репрезентативной демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

репрезентация, демократия, парламентаризм, политические ценности, несоизмеримость, политическая борьба, компромисс

Заикин А. А.

Participatory Democracy as a Space of Political Struggle

Zaikin Andrey Anatolevich

Adviser to the Chairman of the Saint-Petersburg Legislative Assembly (Russian Federation)
Sptk2011@yandex.ru

ABSTRACT

The article describes the process of formation of representative democracy as a specific framework within which generated conditions for certain forms of political struggle. The political struggle is an essential attribute of parliamentarism. It is not an end in itself, but derives from the characteristics of the structure and the mechanisms of representative democracy.

KEYWORDS

representation, democracy, parliamentarism, political values, the insufficiency, the political struggle, compromise

Предстоящие выборы в Государственную Думу заставляют еще раз задуматься оприроде политического представительства и парламентаризма. Признавая на практике парламент важнейшей частью системы государственной власти, в теории остаются открытыми вопросы, связанные с его сущностными характеристиками.

Политическая борьба является неотъемлемым атрибутом парламентаризма. Закономерен вопрос о том, почему парламентарии не приходят, в конечном счете, к единому пониманию политического блага. Политическая борьба не может быть целью сама по себе, и должна быть средством в поисках истины. Эти вопросы отсылают нас к феномену репрезентации, вокруг которого вращается такая форма политического устройства общества, как представительная демократия. Теория политической репрезентации вошла в сферу внимания современных исследователей в последнее десятилетие [см. 5; 7], хотя сама проблематика восходит к теории монад Г. Лейбница, проблеме рефлектирующего суждения И. Канта и критике философии репрезентации М. Хайдеггера [см. 3; 4; 6]. Значительным толчком в современной актуализации темы репрезентации стала работа Ф.Р. Анкерсмита «Политическая репрезентация» [1]. Опираясь на тезисы последней работы, мы и поставим вопрос об органичности политической борьбы для представительной демократии.

Согласно современным представлениям репрезентативная демократия является наиболее совершенной формой политической системы. Все предшествующие формы были лишь несовершенными попытками движения к образцу. С другой стороны, если бы мы попробовали приложить репрезентативную демократию к обществу античности или средних веков, то получился бы гибрид, нежизнеспособный в тех условиях. Определенная форма политической системы возникает и складывается как ответ на специфические вызовы и угрозы соответствующей исторической эпохи. Не существует норм политического устройства оптимальных для всех времен и государств. Государственная Дума Российской империи начала XX в. в том виде, который она получила при создании, очевидно, не способствовала стабилизации политической системы и послужила очередным этапом движения российского общества к революции.

Репрезентативная форма демократии возникает в эпоху французской и американской революций. Идеолог Французской революции Э. Сийес, идеолог и руководитель американской партии федералистов А. Гамильтон предприняли попытку соединить институт сословного представительства феодального общества и идею прямой демократии Ж.-Ж. Руссо, выражающую общую волю народа. Политическая репрезентация должна была соединить активное и пассивное начала в едином институте. Революция касается всех, но она не должна разрушать свое основание, само общество. Логически первая необходимая форма представительной власти — «учредительное собрание» несет двойную функцию репрезентации — представляет старые сословия и является носителем общей воли народа. Таким образом, новый институт соединяет и заменяет противоречивые движения и является специфическим решением политических проблем.

Представительная демократия решает комплекс проблем, характерных именно для общественного развития эпохи ее распространения. Демократия, как известно, возникает в Афинах в эпоху античности, однако это была прямая демократия. И прямая демократия не предполагает представительство. Равно как и наоборот. Представительство сословий не подразумевает демократию. Созыв Земских соборов при Иване Грозном на принципе представительства сословий не говорит о демократичности этого института.

Представительная демократия несет в себе противоречие, заложенное уже в самой ее конструкции. Представительство должно представлять тех, кого оно представляет на основе принципа подобия. Это подобие может быть большим, или меньшим. Императивный мандат, практикующийся в некоторых странах, может иллюстрировать эту ситуацию. В то же время, если это подобие полное, утверждают противники репрезентации, оно избыточно. Если же подобие неопределенно, то оно может перестать быть подобием и тем самым представительством, основанном на принципе подобия. С другой стороны, депутат парламента является носителем политического разума, воплощающего мудрость и всеобщий интерес. Достоинство и доверие должны быть критерием в выборе представителя избирателей. «Репрезентация — это возвращение отсутствующему присутствия в настоящем (т. е. презентации)» [1, с. 137]. Вследствие этого представитель не должен быть подражанием тех, от кого он избран.

Самостоятельность суждений и ответственность за них депутата парламента обусловлены стремлением к выражению общих интересов и пониманием общего блага, а не защитой узких интересов определенного круга избирателей. Но не является ли в таком случае политическая борьба в парламенте излишней и необоснованной? Этот вопрос обращает нас к представлению об общем благе как пространству нравственных ценностей. И здесь вся история политической философии демонстрирует невозможность согласия по установлению общего блага. Проблема общего блага оказывается противоречивой как в свете релятивизирования этики

Николой Макиавелли, так и в свете антиномии практического разума И. Канта. К этому парадоксу добавляется еще обширная сфера компромиссов, которые депутат вынужден заключать для того, чтобы не парализовать саму возможность политических решений в парламенте. К этим компромиссам добавляются и компромиссы с избирателями, которые придут к избирательным урнам через определенный срок, чтобы подтвердить или не подтвердить его статус.

Таким образом, констатируется принципиальный разрыв, который концептуально присущ политической репрезентации. Смысл этого разрыва заключен в том, что депутат представляет нам политическую реальность, отличным от нашего представления образом, в свете общественных, а не частных интересов. Тем самым, он дает избирателям объективированный образ политического бытия, который у них изначально отсутствовал. «Без репрезентации нет репрезентируемого — без политической репрезентации нация лишена подлинного политического бытия» [1, с. 142]. Деятельность представительной власти предполагает формирование политической реальности в определенной проекции, предполагающее и переформатирование последней. Целью политического суждения является не столько подведение особенного под общее, характеризующее познание политической реальности, сколько ориентация на общее, исходя из особенного. Парламентская деятельность ориентирована на создание законов, а не на их исполнение. Иначе говоря, в политическом суждении осуществляется обнаружение закономерности, характерное для рефлектирующего суждения или суждения вкуса. О вкусах не спорят в искусстве, но спорят в политике.

Политическая реальность изображается под разными ракурсами и «оптикой», позволяющими учитывать нюансы, могущие стать основой как для вражды, так и для компромиссов. Разрыв между избирателями и представителями имеет следствием и разрыв самой политической реальности в несоизмеримых интерпретациях таковой публичными политиками. Публичная политика с необходимостью в своей основе содержит феномен политической репрезентации. Любые формы прямой демократии значительно примитивизируют восприятие политической реальности, подталкивая к упрощенным схемам решения политических проблем. Отсюда следует, что политическая репрезентация возникает в условиях неэффективности существующих форм политической борьбы, губительности их для сложившейся политической реальности.

Какие же проблемы решает представительная демократия в девятнадцатом веке? По утверждению Ф.Р. Анкерсмита [1, с. 122] Европа в посленаполеоновскую эпоху была заражена смертельной враждой между партией тех широких слоев населения, которая считала, что Французская революция закончилась слишком рано, не выполнив своих задач, и партией тех, кто остался приверженцем старого режима, и готов был поднять знамя Реставрации.

В предшествующие века европейские государства выступали арбитром между враждующими на религиозной почве партиями католиков и протестантов. Тем самым государство отделяло себя от гражданского общества, превращаясь в абсолютистское государство. Но теперь оно стало само предметом раздора. Революционеры и реакционеры, после Великой французской революции, претендовали на владение и контроль над государством. Победа одной из сторон была чревата тем, что вся государственная машина могла стать инструментом репрессий против уступившей партии. Гражданская война была бы неизбежным исходом. Соперничающие идеологии не имели почвы для общественного консенсуса. Каждая из идеологий вела к революции. Компромисс в сфере идеологии также был невозможен, но в практической политике место для компромисса оставалось. Репрезентативная демократия создает такое политическое пространство — парламент, под крышей которого возможен компромисс и могут сосуществовать различные идеологии. Достижение компромиссов предполагало всестороннее обсуждение, а тем

самым необходимо взгляда со стороны, беспристрастности и исторической глубины в рассмотрении.

Эпоха Просвещения, предложившая в лице Гоббса, Локка, Монтескье и Руссо учение о естественном праве и общественном договоре, научила видеть в государстве механизм для блага граждан, и государство само возникает благодаря политической репрезентации. Последующая эпоха Реставрации создает парламент как институт репрезентативной демократии, защищающий государственность. Многопартийность европейской системы ориентирована на справедливые компромиссы в идеологических противостояниях. Европейские партии играют бесконечно более важную роль, чем партии англосаксонских стран в политической репрезентации. Их задача заключается в одновременном выражении и сглаживании политического противостояния.

С точки зрения Ф.Р. Анкерсмита [1, с. 130] репрезентативная демократия континентальной Европы несоизмерима с парламентаризмом англосаксонского типа в силу их различной природы. Англосаксонский парламентаризм возникает в результате революций 1688 и 1776 гг. Отношение между сувереном и представительным органом власти выражалось в системе сдержек и противовесов. Парламент также вырастает из феодально-сословного представительства, но как механизм ограничения абсолютистской власти короля или президента. Абсолютное большинство в парламенте партии власти при двухпартийной системе является специфической формой противовеса в отличие от многопартийной континентальной системы. Англосаксонская система сочетает в себе достоинства абсолютизма и демократии. Идеологии в двухпартийной системе уходят на второй план, перед главной проблемой обеспечения большинства. Таким образом, существует два типа представительной демократии со своими положительными и отрицательными чертами.

К какому же типу относится система российской представительной демократии? Возникновение российского парламентаризма в начале XX в. неразрывно связано с борьбой с самодержавием. С этой точки зрения его можно отнести к англосаксонскому типу. С другой стороны, смешанный тип политической системы, сохраняющий парламентскую многопартийность, говорит об определенной близости с континентальной парламентской системой. Нельзя сказать, что в российском парламентаризме парламент эффективно и последовательно ограничивает президентскую власть. С другой стороны, в обществе есть значительная поддержка партии КПРФ, ориентированной на реставрацию прежнего режима, и силы, ориентированные на продолжение либерального курса и реформ. Партия власти в этом контексте представляет собой парадоксальный симбиоз из широких масс и лидера, с одной стороны, ориентированных на цивилизационно-национальное развитие и управленческой элиты, с другой стороны, ориентированной на вхождение в глобализованный мировой порядок. В данном случае, как и во многих других для России, можно констатировать третий, смешанный тип репрезентативной демократии. Своеобразие генезиса российского парламентаризма оставляет широкое поле для различных форм политической борьбы в рамках парламентской демократии. Особенностью политического размежевания в современном обществе массового потребления является то, что реализация интересов гражданского общества порождает проблемы, несовместимые с его развитием. Например, глобальные экологические угрозы цивилизации порождаются стремлением к повышению общественного благосостояния [2, с. 81–86].

Возможно ли достижение консенсуса в рамках представительной демократии при наличии выявленных основных конфликтов, инициировавших возникновение политической репрезентации? Отвечая на данный вопрос, можно привлечь аргументацию Дж. Роулза, допускающего такой консенсус, либо Карла Шмитта, отвергающего такую возможность. Вместе с тем их аргументация не касается самой природы

представительной демократии. Политическая репрезентация предполагает не только разрыв между политиком и избирателем, в котором рождается образ политической реальности, но и разрыв самой политической реальности как объективного фундамента политического действия и решения. Вера в такой фундамент, заложенная классиками политической философии, иерархизирует и коррелирует этические и идеологические ценности и идеалы в некую систему. Предпочтение одних ценностей другим предполагает, в конечном счете, всеобщее согласие. Вместе с тем консенсус служит индикатором незрелости общества, поскольку речь идет о соглашениях, в которых различия определяются как незначимые. Различные идеологии, приведенные к общему согласию, не дают импульса к новым политическим решениям.

Дилемма свободы и равенства являет собой наглядный пример фундаментальных противоречий. Демократическая репрезентация предлагает признать принципиальную несоизмеримость различных ценностей. Исходя из этой несоизмеримости, политики представляют пространство мнений по поводу идей и ценностей, в котором возможно принятие решений, идущих вразрез с идеологическими целями. Несоизмеримость политических реальностей различных субъектов репрезентативной демократии указывает на ее разорванность и существование в пространстве взаимодействия. Политическая реальность в процессе взаимодействия столь же репрезентируется, сколь и конструируется. Не существует предпочтительной точки зрения на политическую реальность ни у одного участника политической коммуникации. Политическая реальность есть продукт интеракции, поэтому разрывы в политической реальности неотделимы от нее.

Представительная демократия постоянно сопровождается политической борьбой, но это не означает, что она исчерпывается ее содержанием. Посредством компромиссов формулируются политические решения, и они становятся формой политической борьбы, в процессе которой совершаются конструктивные политические действия.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Борисов Н. А., Волков В. А. Экологический кризис как детерминанта структуры современной политической экологии // Власть. 2014. № 3. С. 81–86.
3. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 5.
4. Лейбниц Г. Монадология // Лейбниц Г. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1.
5. Магун А. Революция и кризис репрезентации // Логос. 2012. № 2.
6. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и Бытие. М. : Республика, 1991. С. 41–63.
7. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М. : НЛО, 2004.

References

1. Ankersmit F. R. *Political Representation* [Politicheskaya reprezentatsiya] / Translation from English A. Glukhov; National Research University «Higher School of Economics» [Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»]. M. : Publishing house of Higher School of Economics [Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki], 2012. (rus)
2. Borisov N. A., Volkov V. A. *Ecology crisis as determinant of structure of modern political ecology* [Ekologicheskii krizis kak determinanta struktury sovremennoi politicheskoi ekologii] // Power [Vlast']. 2014. N 3. P. 81–86. (rus)
3. Kant I. *Critique of Judgment* [Kritika sposobnosti suzhdeniya] // Kant I. Collection of Works: in 8 v. [Sochineniya: v 8 t.]. M. : 1994. V. 5. (rus)

4. Leibniz G. *Monadologiya* // Leibniz G. Compositions: In 4 v. [Sochineniya: v 4 t.]. M. : Thought, 1982. V. 1. (rus)
5. Magun A. *Revolution and crisis of representation* [Revolutsiya i krizis reprezentatsii] // Logos. 2012. N 2. (rus)
6. Heidegger M. *World picture time* [Vremya kartiny mira] // Heidegger M. Time and Being [Vremya i Bytie]. M. : Republic [Respublika], 1991. P. 41–63.
7. Yampolsky M. *Physiology of symbolical*. Book 1. Return of the Leviathan: Political theology, representation of the power and end of the Old regime [Fiziologiya simvolicheskogo. Kn. 1. Vozvrashchenie Leviatana: Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima]. M. : NLO, 2004.